

К АТРИБУЦИИ КНЯЖЕСКОГО ЗНАКА НА ГРАФФИТИ № 75 ИЗ СОФИИ КИЕВСКОЙ

С. В. Белецкий

В Корпусе граффити Софийского собора в Киеве среди других рисунков опубликовано изображение тамгообразного знака (рис. 1) в форме трезубца. Он образован сложным переплетением неравномерной по ширине «ленты», изображенной двойным контурным рисунком. Боковые зубцы отогнуты наружу, центральный зубец увенчан крестообразной трехлепестковой фигурой, ножка завершается крестиком, образованным при наложении друг на друга концов «ленты». Знак обнаружен «во владимирском приделе на одном из столбов южной стены, которая до последующих пристроек была внешней северной стеной собора. Рисунок начертан в нижней части фрески, которая, судя по сопроводительной надписи XIX в., изображает Св. Федора»¹. Комментируя рисунок, С. А. Высоцкий отмечал, что аналогии среди известных княжеских знаков не встречены². Рассматривая фрагментарно сохранившуюся рядом с рисунком надпись, исследователь полагал, что она сделана, вероятно, той же рукой, что и рисунок, а датируется по палеографическим особенностям началом XII в.

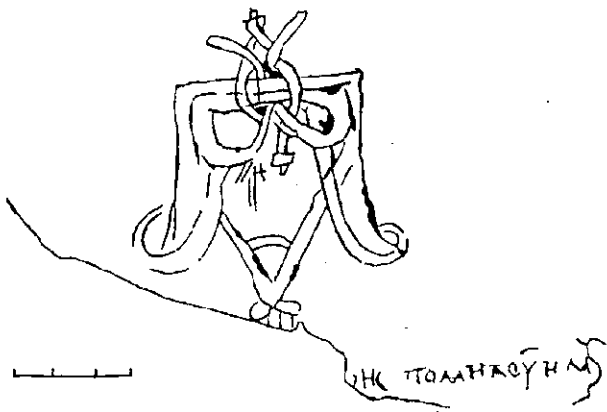

Рис. 1. Граффити № 75 из Софийского собора, г. Киев (по С. А. Высоцкому).

Обращает на себя внимание крестообразное завершение центрального зубца трезубца, сближающее знак на граффити с изображением трезубца на печати Изяслава Полоцкого. Комментируя печать, В. Л. Янин писал: «Определению... способствует и хорошо читаемая надпись «Изас(лав)ос», и строение изображенного на ней княжеского знака, чрезвычайно близкого тамге Владимира Святославича и отличающегося от нее лишь дополнительным кружком на вершине левого зубца»³. В действительности, никакого кружка на вершине левого зубца у трезубца, изображенного на печати (рис. 2, 1), нет: за кружок, как справедливо отмечал А. А. Молчанов⁴, была принята буква «О» круговой легенды, восстанавливаемой в форме «Изас(лав)осо». Однако согласиться с Молчановым в том, что на печати изображены трезубца Владимира Святого⁵, я также не могу: у трезубца Владимира (рис. 2, 2) центральный зубец имеет простое вертикальное или слабо выраженное копьевидное завершение, в то время как вершина центрального зубца у трезубца на печати Изяслава Полоцкого увенчана крестиком. Именно так прочитали знак на печати Изяслава Владимировича М. П. Сотникова и И. Г. Спасский⁶, и с этим нельзя не согласиться.

Рис. 2. 1 — изображение княжеского знака на печати Изяслава Владимировича (по В. Л. Янину); 2 — изображения княжеского знака на монетах Владимира Святого (по А. В. Орешникову); 3 — изображения княжеского знака на монетах Ярослава Владимировича (по А. В. Орешникову).

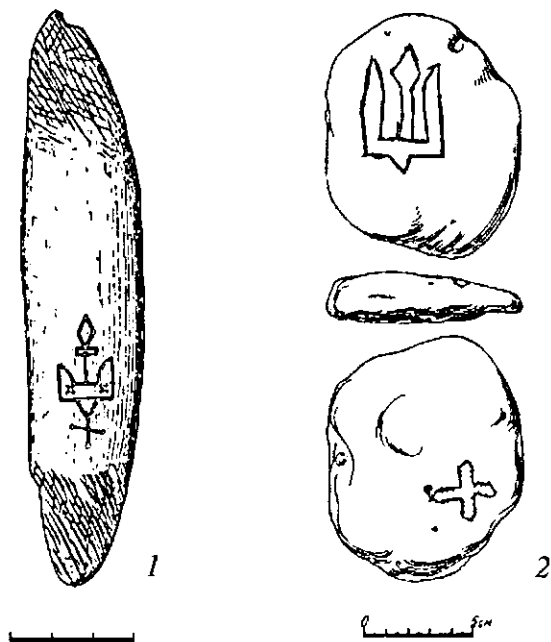

Рис. 3. 1 — изображение княжеского знака на костяной пластине из Тмутаракани (по А. Ф. Мелведуну); 2 — изображение княжеского знака на заготовке каменного грузила из Новгорода (по В. Л. Янину).

нию центрального зубца у трезубца Изяслава Владимировича, делает весьма вероятным предположение о родстве владельца трезубца на граффити с Изяславом Полоцким. Различия между знаками заключается в форме ножки: у трезубца Изяслава ножка адекватно оформлению ножки у тамги Владимира Святого, ножка же у трезубца на граффити завершается дополнительным элементом — крестиком. Очевидно, что владелец тамги, изображенной на граффити, не мог быть братом Изяслава: от тамги Владимира Святого трезубец на граффити отличается двумя элементами — формой ножки и завершением центрального зубца. Скорее следовало бы предполагать, что трезубец на граффити принадлежал представителю поколения внуков Владимира Святого.

В этой связи можно вспомнить изображение трезубца на костяной накладке от рукоятки сложного лука, найденной при раскопках Таманского городища — детинца древнерусской Тмутаракани (рис. 3, 1)⁸. Б. А. Рыбаков, опубликовавший знак на тмутараканской накладке, атрибутировал его брату Изяслава и Ярослава Владимировичей — Мстиславу Тмутараканскому⁹. К такому же выводу независимо от Рыбакова пришел и И. И. Ляпушкин¹⁰. В. В. Мавродин, правда, полагал, что знак на тмутараканской накладке принадлежал Ярославу Мудрому¹¹, однако во все позднейшие публикации тмутараканский трезубец вошел как знак Мстислава Владимировича¹².

Нетрудно заметить, что знак на тмутараканской накладке отличается от трезубца Владимира Святого двумя значимыми элементами — форма ножки и завершение центрального зубца. Это не позволяет рассматривать трезубец на накладке в качестве тамги сына Владимира Святославича: между трезубцем Владимира Святого и трезубцем на накладке должно было бы быть еще одно, промежуточное звено, обеспечивающее постепенный характер развития тамги. Таким промежуточным звеном можно считать тамгу, помещенную на стороне «а» подвески № 22-27-1181 из Новгорода¹³, и трезубец, процарапанный на заготовке для каменного грузила, также найденной в Новгороде¹⁴ (рис. 3, 2). Эти трезубцы полностью отвечают формулируемым требованиям к развитию тамги: от трезубца Владимира Святого их отличает более сложное оформление вершины центрального зубца, а от тамги на тмутараканской накладке — более простая форма ножки.

Отказавшись от атрибуции трезубца на тмутараканской накладке Мстиславу Владимировичу, я, тем не менее, считаю достаточно серьезным главный довод Б. А. Рыбакова — место находки предмета. Действительно, с наибольшей вероятностью, владельца тамги, изображенной на тмутараканской накладке, следует искать среди лиц, связанных с тмутараканским княжеским столом. Накладка обнаружена в слое, датированном А. А. Миллером X—XII вв.¹⁵. И. И. Ляпушкин датировал «русский период» жизни на поселении от конца X до XII вв.¹⁶. По периодизации С. А. Плетневой, верхняя хронологическая граница «русского слоя» Тмутаракани определяется началом XII в.¹⁷. Таким образом, пластина с процарапанным княжеским знаком происходит, вероятнее всего, из отложений XI в. Основным претендентом на отождествление с владельцем знака является, на мой взгляд, князь Евстафий Мстиславич — сын Мстислава Тмутараканского,

Таким образом, трезубец Изяслава Владимировича (если, разумеется, признать, что на печати изображен трезубец именно Изяслава) отличается от трезубца Владимира Святого всего одним элементом, а именно, завершением центрального зубца. Все остальные элементы, составляющие трезубцы Владимира и Изяслава, адекватны друг другу и варьируют лишь в рамках различий по степени декоративности («парадности», по терминологии Б. А. Рыбакова⁷) изображения. С учетом же того, что знак Ярослава Мудрого (рис. 2, 3) также отличается от знака Владимира Святого завершением центрального зубца, мы вправе предполагать, что в наследовании тамги сыновьями Владимира Святославича наблюдается определенная закономерность: Ярослав и Изяслав Владимировичи наследовали трезубец отца, изменяя в нем только один элемент — вершину центрального зубца. Этот же элемент различает между собой и трезубцы сыновей Владимира.

Возвращаясь к трезубцу на граффити, отмечу, что завершение центрального зубца у этого трезубца, адекватно заверше-

скончавшийся в 1033 г. в возрасте 31 года¹⁸. К моменту смерти Евстафия, умершего еще при жизни отца, резиденцией Мстислава Владимировича, напомним, уже был Чернигов; место княжения Евстафия Мстиславича, почти наверняка располагавшего самостоятельным или полусамостоятельным держанием, нам неизвестно, однако он был, кажется, единственным сыном Мстислава Владимировича, так что вероятность пребывания Евстафия на тмутараканском столе весьма высока.

Если предлагаемая атрибуция знака на тмутараканской накладке верна, то владельцем знака, изображенного на новгородских грузиле и подвеске, следует считать Мстислава Владимировича — сына Владимира Святого, брата Изяслава и Ярослава Владимировичей, соправителя Ярослава Мудрого в 1026—1034 гг. Подвеска происходит из слоя 22 яруса на Перевском раскопе (1076—1096 гг.), что определяет верхний предел археологизации предмета. Грузило найдено в слое 24 яруса того же раскопа (1025—1055 гг.), что полностью соответствует времени политической активности Мстислава Тмутараканского (+1034 г.).

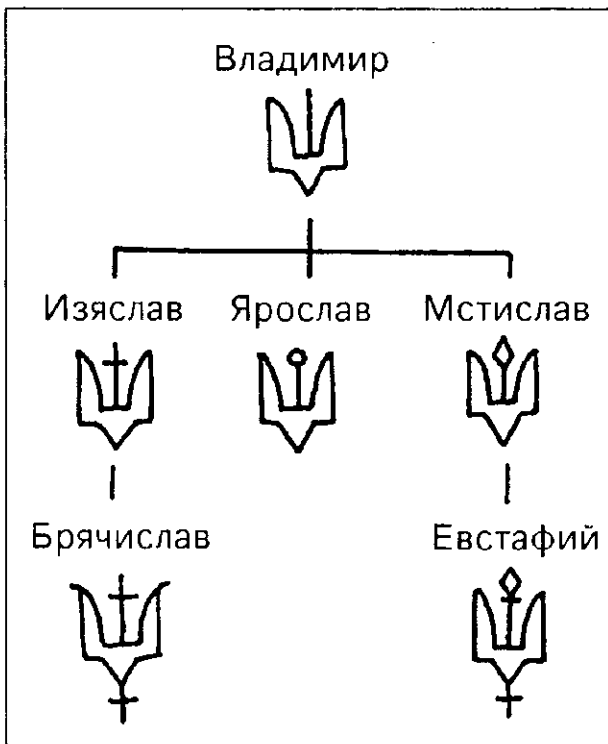

Рис. 4. Генеалогическая схема лично-родовых знаков потомков Владимира Святого.

Трезубец на граффити из Софийского собора по форме ножки адекватен трезубцу на тмутараканской накладке. Если справедливы высказанные выше соображения о связи последнего с Евстафием Мстиславичем, то есть основание считать трезубец на граффити лично-родовым знаком сына Изяслава Владимировича: как и в случае с трезубцем Евстафия Мстиславича отличие тамги отца от тамги сына заключено в изменении последним формы ножки у отцовского трезубца. Тогда речь, очевидно, может идти об отождествлении владельца знака на граффити с Брячиславом Изяславичем, занимавшим княжеский стол в Полоцке после смерти отца (1001 г.)¹⁹ и скончавшимся в 1044 г.²⁰ Генеалогическая схема рассмотренных лично-родовых знаков, в таком случае, приобретает следующий вид (рис. 4).

Иконографические особенности трезубца на граффити теоретически допускают и иные толкования. Дело в том, что завершения боковых зубцов у этого трезубца подчеркнута отогнуты наружу. Для княжеских двузубцев и трезубцев X—XI вв. такое завершение боковых зубцов не характерно: мы сталкиваемся с ним только у лично-родовых знаков Рюриковичей XII—XIII вв.²¹, когда форма боковых зубцов становится значимым элементом при наследовании тамги. Если предполагать, что отогнутый характер боковых зубцов являлся значимым элементом уже в середине XI в., то речь могла бы идти об атрибуции знака на граффити одному из потомков Брячислава Изяславича, например — Всеславу Полоцкому, единственному сыну и наследнику Брячислава на полоцком столе²². Однако атрибуция тамги на граффити Всеславу Брячиславичу представляется мне, все-таки, менее вероятной. Для соотнесения трезубца на граффити с Всеславом Полоцким требуется предположить, что Брячиславу Изяславичу должен был принадлежать знак, промежуточный между знаком на граффити и знаком Изяслава Полоцкого, причем такой гипотетический знак должен был отличаться и от трезубца на печати, и от трезубца на граффити всего на один элемент. Между тем, если мы в предположительной форме соотнесем с Брячиславом Изяславичем неизвестный пока трезубец, близкий и тамге Изяслава, и тамге на граффити — с прямыми боковыми зубцами и ножкой, завершающейся крестиком (рис. 5, 1), — то окажется, что тамга на граффити отличается от такого гипотетического знака уже не одним, а двумя элементами — завершениями обоих боковых зубцов. Тогда уж речь должна была бы идти скорее о представителе следующего поколения Изяславичей — одном из сыновей Всеслава Полоцкого (рис. 5, 2)²³. Между тем, подобная атрибуция совершенно нереальна: кроме того, что мы вынуждены предполагать наличие уже двух промежуточных звеньев между тамгой Изяслава и тамгой на граффити, остающихся неизвестными, я напомним о том, что деятельность Всеславичей приходится, главным образом, на начало XII в., в то время как «парадная» форма тамги Рюриковичей не переживает последнюю четверть XI в. Полагаю, поэтому, что трезубец на граффити из Софийского собора являлся лично-родовым знаком Брячислава Изяславича, а отогнутый характер боковых зубцов у этого трезубца следует относить за счет декоративности изображения. Если считать, что тамга Брячислава была процарапана на стене северной галереи

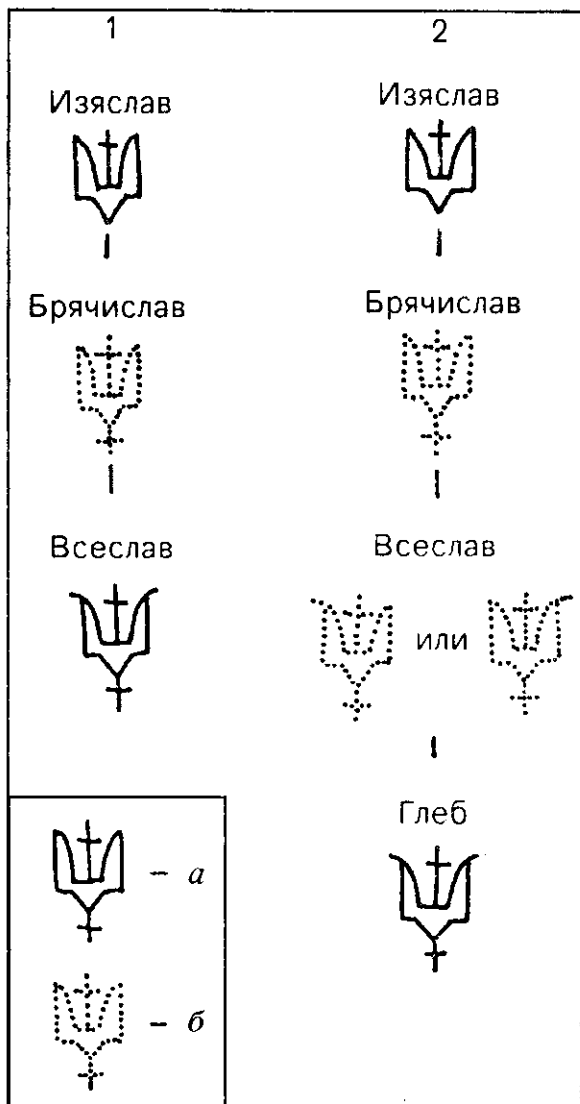

Рис. 5. Альтернативные схемы соотношения княжеского знака Изяслава Владимировича и знака на граффити № 75 из Софийского собора, г. Киев: а — схематичные изображения сохранившихся знаков; б — схематичные изображения гипотетических знаков.

ни пристроены к зданию позже, видимо в конце XI в. В настоящее время доказано, что все здание возведено единовременно, без существенных перерывов в строительстве²⁶. Сам П. А. Раппопорт связывал начало строительства Софийского собора с 1037 г.²⁷. Однако Г. Н. Логвин достаточно обстоятельно аргументировал более раннюю дату (1017 г.)²⁸, опирающуюся, в конечном счете, на сведения Новгородской Первой летописи²⁹. Не считая возможным вступить в дискуссию по строительной истории Софийского собора подчеркну, что предлагаемая атрибуция княжеского знака на граффити № 75 из Владимирского придела является дополнительным аргументом в пользу именно ранней датировки строительства храма, причем — в полном его объеме, включая галереи.

Примітки

¹ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв.— К., 1966.— Вып. 1.— С. 110.

² Там же.

³ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв.— М., 1970.— Т. I.— С. 41.

Софийского собора при жизни князя или, во всяком случае, не позднее его смерти, то верхним хронологическим рубежом для граффити № 75 становится 1044 г.²⁴.

Все сказанное противоречит существующей в литературе истории строительства Софийского собора и создания его фрескового убранства. В. И. Лазарев, подводя итоги многолетнему обсуждению проблемы декорирования Софийского собора, писал: «Начатый постройкой в 1037 г., храм Св. Софии был подготовлен к внутренней отделке не ранее 1042 г. Его мозаики... должны были быть выполнены между 1043 и 1046 г., когда состоялось его первое освящение. Этим же временем датируются фрески центрального нефа, трансента и хоров... Фрески боковых кораблей могли быть написаны несколько позднее, но они должны были быть закончены к 1061 либо 1087 г., когда произошло второе освящение храма... Наконец, фрески обеих башен..., крепильни... и наружной галереи... относятся к еще более позднему времени, так как эти части постройки были возведены на протяжении первой четверти XII в.»²⁵. Если это так, то знак Брячислава Изяславича не мог быть процарапан на фреске северной галереи храма, созданной более чем через полвека после смерти князя.

Однако, кроме изложенной версии строительной истории храма, существуют и иные. Так, П. А. Раппопорт отмечал: «Неясность сведений письменных источников с времени постройки Софийского собора привела к сложению двух различных точек зрения на этот вопрос: некоторые исследователи считают, что собор был заложен в 1017 г. и закончен в 1031—1032 или 1037 гг.; другие полагают, что он был заложен в 1037 г., а закончен в 40-х гг. XI в. Долго существовало представление, что наружные галереи и башни

⁴ Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. — Л., 1984. — Т. XVI. — С. 68. — Прим. 15.

⁵ Там же. — С. 68.

⁶ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков — Л., 1983. — С. 84. — Рис. 23.

⁷ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // *СА*. — 1940. — Т. VI. — С. 231.

⁸ Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // *Сообщения ГАИМК*. — 1932. — № 3—4. — С. 59.

⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч. — С. 241, 242.

¹⁰ Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // *МИА*. — 1941. — № 6. — С. 213—215.

¹¹ Мавродин В. В. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. — 1935. — № 9—10. — С. 224.

¹² Напр.: Медведева А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // *САИ*. — 1966. — Вып. Е1—36. — Табл. 3:6; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. — С. 84. — Рис. 23; Братко-Кутицкий О. Нащадки Святої Трійці. Генеза української державної символіки. — К., 1992. — С. 66. — Табл. V, 12 и др.

¹³ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — М., 1981. — С. 36; Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. — Л., 1976. — Т. VII. — С. 74. — Табл. II, 6А. Подробнее об этой подвеске см.: Белецкий С. В. О новгородской подвеске со знаками Рюриковичей // *Сборник статей памяти А. А. Зимина*. — М., 1995.

¹⁴ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде*. — М., 1982. — С. 150, 151. — Рис. 10.

¹⁵ Миллер А. А. Указ. соч. — С. 58.

¹⁶ Ляпушкин И. И. Указ. соч.

¹⁷ Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. — М., 1963. — С. 63, 68—70.

¹⁸ *ПСРЛ*. — СПб., 1861. — Т. IX. — С. 68; Татищев В. Н. *История Российская*. — Л., 1963. — Т. 2. — С. 69.

¹⁹ *ПСРЛ*. — М., 1962. — Т. 1. — Стб. 130.

²⁰ Там же. — Стб. 155.

²¹ Напр.: Молчанов А. А. Указ. соч. — С. 67, 82. — Табл. I, II.

²² В этом случае наиболее вероятным временем появления граффити можно было бы считать 1067—1069 гг. — период, когда Вселав Брячиславич находился в Киеве в заточении, или же месяцы кратковременного киевского княжения Всеслава (14 сентября 1068 — апрель 1469 гг.).

²³ Например, о Глебе Всеславиче, находившемся в Киеве в заключении в 1119 г. (*ПСРЛ*. — М., 1962. — Т. 2. — Стб. 285) и там же скончавшемся.

²⁴ Если, конечно, не предполагать, что тамга князя была процарапана на фреске северной галереи собора через много лет после кончины Брячислава Изяславича. Такое предположение представляется мне маловероятным.

²⁵ Лазарев В. И. Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. — М., 1973. — С. 22.

²⁶ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников // *САИ*. — 1982. — Вып. Е1—47. — С. 13.

²⁷ Там же; Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. — СПб., 1993. — С. 33—38.

²⁸ Логвин Г. И. К истории сооружения Софийского собора в Киеве // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977*. — М., 1977. — С. 170—186.

²⁹ *НПЛ*. — М.—Л., 1950. — С. 180.